

ОТЕЛЬ

семьи

Ренард

МАРИ РЕНАРД

Мари Ренард
Отель семьи Ренард

«Автор»

2026

Ренард М.

Отель семьи Ренард / М. Ренард — «Автор», 2026

На английском побережье, среди соленого ветра, цветочных лавок и неспешных прогулок, стоит небольшой отель семьи Ренард. Каждое лето сюда приезжают новые постояльцы, а вместе с ними появляются новые истории: о любви и одиночестве, семейных тайнах, случайных встречах и маленьких событиях, которые порой меняют всю жизнь. «Отель семьи Ренард» — атмосферный роман о старой Англии, человеческой доброте и о том, что иногда домом становится место, в которое ты попал совершенно случайно.

© Ренард М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Мари Ренард

Отель семьи Ренард

Глава 1

Все маленькие городки в чем-то похожи друг на друга, словно время течет в них по собственным правилам и гораздо меньше зависит от календаря, чем в больших шумных городах.

Они живут неторопливо, помнят собственное прошлое и редко удивляются настоящему. Здесь в булочной каждое утро пахнет свежим хлебом, мясник заранее знает, кто и по какому поводу придет за лучшим куском вырезки, а хозяйки лавок способны рассказать историю каждой семьи не хуже приходского священника. Жители знакомы не только друг с другом, но и с родителями, дедами и прадедами соседей. Здесь незнакомец всегда заметен, а любое событие становится предметом долгих разговоров даже после того, как закончится, обрастая все новыми подробностями и постепенно превращаясь в одну из тех маленьких городских историй, которые еще долго будут пересказывать за чашкой чая.

Так продолжается почти весь год.

Но приморские городки живут сразу двумя жизнями. Осенью и зимой они принадлежат самим себе. Набережные пустеют, ветер гонит по пляжу сухие водоросли и песок, рыбацкие лодки возвращаются раньше обычного, а многие гостиницы запирают двери до весны. Штормы неделями бьют в волноломы, море становится серым и тяжелым, и кажется, будто весь город дремлет, прислушиваясь к шуму прибоя.

Но с приходом весны город словно вспоминает о своем истинном предназначении.

Стоит первым теплым дням прогнать сырость, как город начинает просыпаться. Маляры обновляют вывески, плотники чинят перила на верандах, садовники высаживают вдоль прогулочной набережной молодые цветы. Хозяйки пансионатов распахивают окна, чтобы впустить в комнаты соленый морской воздух, горничные снимают с мебели зимние чехлы и целыми днями вытряхивают ковры во внутренних двориках, а прачки развешивают на длинных веревках белоснежное постельное белье, которое ветер надувает, словно паруса стоящих в гавани кораблей.

Лавки тоже преображаются. За стеклами появляются новые шляпки, трости, дорожные саквояжи, перчатки, жестяные ведерки для игры на пляже, полосатые купальные костюмы, зонтики от солнца и яркие рекламные карточки, обещающие лучшие колониальные товары, свежую выпечку и лечебные нюхательные соли. Кондитерские начинают выставлять столики на улицу, цветочные магазины украшают входы горшками с геранью, а художник развешивает вдоль стены мастерской еще пахнущие краской акварели — утреннее море, рыбацкие лодки, чайки над утесами. Море на них всегда спокойнее настоящего, небо — светлее, а закаты — теплее, чтобы каждый уезжающий мог увезти с собой память о лете.

Дважды в неделю на станцию прибывает почтовый поезд. Вместе с письмами он доставляет аккуратно написанные карточки и корреспонденцию для владельцев гостиниц, извещающие о дате и времени прибытия новых постояльцев с просьбами приготовить комнаты, заказать экипаж к вечернему поезду или предупредить кухню о строгой диете по предписанию врача.

А затем начинают приезжать и сами гости.

Одни прибывают целыми семьями, с детьми, гувернантками, личными горничными и таким количеством багажа, что его разгружают сразу несколько носильщиков. Другие приезжают вдвоем, надеясь укрепить здоровье прогулками вдоль моря. Молодые вдовы ищут здесь покоя после тяжелой утраты, а пожилые дамы, окруженные неизменными компаньонками, проводят долгие часы на верандах, укрыв колени пледом, читая романы, вышивая или просто

наблюдая, как прилив медленно стирает следы на песке. В те годы доктора охотно прописывали своим пациентам морской воздух, размеренный отдых и ежедневные прогулки по набережной. Считалось, что море умеет врачевать почти все: слабые легкие, бессонницу, нервное истощение, уныние, последствия переутомления и даже разбитое сердце.

Но вместе с отдыхающими прибывают и другие пассажиры. Для них курортный сезон означает не отдых, а работу.

Поезда привозят лакеев, кухарок, горничных, прачек, садовников, кучеров, официантов и десятки молодых людей, надеющихся получить место хотя бы до конца лета. Одни возвращаются сюда каждую весну, давно зная хозяев гостиниц. Другие приезжают впервые, держа в кармане единственное рекомендательное письмо и надеясь, что именно оно откроет перед ними дверь в новую жизнь.

Хайклифф мало чем отличался от десятков других курортных городков английского побережья. Он тоже жил от сезона до сезона. Летом становился шумным и многолюдным, осенью вновь затихал, а зимой терпеливо ждал весны, чтобы снова наполниться голосами, смехом, запахом свежей выпечки, конским цокотом по мостовой, соленым ветром с моря и бесконечным ожиданием новых поездов.

Одним из первых апрельских поездов в Хайклифф приехала и она.

В вагоне третьего класса, среди чемоданов, корзин и узлов с нехитрыми пожитками, всю дорогу просидела маленькая темноволосая девушка. По виду — совсем недавно переставшая быть ребенком. На ней было аккуратно вычищенное, но заметно поношенное темное платье, старенькое пальто и простая соломенная шляпка, слишком скромная даже для небогатой путешественницы. У ее ног стоял потертый саквояж, в котором помещалось все ее имущество.

Девушку звали Солен Эймс.

И это было первое, что она украла в своей жизни.

Глава 2

Утро в галантерейной лавке миссис Монгер всегда начиналось раньше, чем на соседней улице открывались ставни булочной.

Пока город только просыпался, она уже успевала отпереть тяжелую дверь, распахнуть деревянные ставни на витрине, впустить в помещение прохладный морской воздух и пройти по лавке с мягкой щеткой из страусиных перьев. Каждое утро пыль словно заново училась находить самые неожиданные места: пряталась между коробками с перчатками, оседала на катушках шелковых лент, покрывала тонкой дымкой стеклянные колбы с пуговицами из перламутра и слоновой кости. Каждый раз миссис Монгер терпеливо возвращала лавке тот самый аккуратный вид, который так любили отдыхающие.

Она давно заметила одну странную особенность курортной торговли.

Местные женщины редко покупали лишнее. Они знали цену каждому шиллингу и, прежде чем приобрести новую ленту, десять раз спрашивали себя, нельзя ли еще год проходить со старой.

Зато приезжие были совсем другими.

Стоило даме провести неделю у моря, как ей непременно начинало казаться, что к новому платью недостает других перчаток, новой шляпной булавки или зонтика от солнца. Джентльмены вспоминали, что забыли дома воротнички, дорожные щетки или перчатки для вечерней прогулки. Матери покупали детям игрушечные кораблики, ведерки для песка и яркие ленты, хотя дома наверняка лежали точно такие же.

Именно на этих маленьких, почти случайных покупках лавка Монгеров и держалась последние годы.

Пока миссис Монгер расставляла на прилавке коробочки с булавками, из глубины дома донесся знакомый голос.

— Марта!

Она устало прикрыла глаза.

— Марта! Где мой чай?

— Уже несю.

— Он опять остыл!

Чай еще даже не успел завариться.

Миссис Монгер поставила коробку на место и направилась в жилую половину дома.

Когда-то мистер Монгер считался едва ли не первым красавцем Хайклиффа. Старожилы до сих пор вспоминали, как девушки нарочно проходили мимо лавки, лишь бы увидеть молодого хозяина за прилавком. Некоторые заходили в лавку с таким серьезным видом, словно от покупки новой тесьмы зависело благополучие всей Британской империи.

Теперь трудно было поверить этим рассказам.

Годы, болезнь и собственное воздержание обошлись с мистером Монгером без всякой снисходительности. Красивое когда-то лицо расплылось, плечи ссутулились, походка стала тяжелой, а характер испортился настолько основательно, что казалось, будто все доброе, что когда-либо было отпущено ему природой, постепенно уступило место желчи.

Не проходило дня, чтобы он не напомнил жене и сыну, кому они обязаны каждым куском хлеба. Он ворчал из-за лишней свечи за ужином. Считал каждый кусок мыла. Недовольно хмурился, если в камин клали лишнее полено, и всякий раз вздыхал так трагически, словно вместе с дымом в трубу улетало семейное состояние.

О собственной же роли в этом состоянии он вспоминать не любил.

Между тем добрая половина тех самых денег, которых ему теперь было так жаль, когда-то исчезала за стойкой трактира.

Этого мистер Монгер предпочитал вовсе не помнить.

Их единственный сын, получив возможность, почти сразу перешел помощником к мистеру Смиту — владельцу большой хозяйственной лавки на соседней улице. Домой он возвращался поздно, говорил мало и, казалось, задерживался на работе не столько ради заработка, сколько ради нескольких лишних часов тишины.

Лавка же постепенно почти целиком легла на плечи миссис Монгер.

Каждое утро было похоже на предыдущее. Открыть ставни. Смахнуть пыль с полок, прежде чем она успеет осесть вновь. Подмести полы. Пересчитать сдачу в кассе. Принять товар от разносчика. Завернуть покупки. Записать долги постоянных покупателей в толстую бухгалтерскую книгу. Потом вернуться в дом, приготовить мужу обед, а вечером повторить все в обратном порядке.

На первый взгляд ничего особенно тяжелого.

Но день за днем подобные мелочи удивительным образом складывались в усталость, от которой невозможно было избавиться за одну ночь.

К своим годам миссис Монгер сохранила удивительно ясный ум и цепкую память. Она безошибочно помнила, в каком ящике лежат костяные пуговицы, а в каком — перламутровые, и никогда не ошибалась в расчетах, даже если покупатель отвлекал ее пустыми разговорами. А вот доброта понемногу уходила.

Не за один день.

Просто доброта, как и хорошие перчатки, имела обыкновение постепенно изнашиваться, если пользоваться ею ежедневно и не давать времени на починку.

Она уходила незаметно. Вместе с бессонными ночами. С бесконечным ворчанием мужа. С необходимостью по десять раз в день бросать начатое дело, чтобы услышать из соседней комнаты недовольное: «Марта!» И с тем странным убеждением, которого придерживались многие мужчины, будто женская усталость — не настоящая усталость, а всего лишь разновидность плохого настроения.

Поэтому несколько недель назад миссис Монгер решилась на поступок, который прежде сочла бы непозволительной роскошью.

Она наняла помощницу.

Не потому, что лавка вдруг стала приносить больше дохода. Напротив, каждый лишний шиллинг приходилось обдумывать дважды, прежде чем потратить.

Но однажды вечером, запирая дверь после особенно длинного дня, миссис Монгер вдруг заметила, что впервые в жизни оставила на полке неразобранную коробку с товаром.

На следующий день не хватило времени перемыть витрину.

Потом она поймала себя на том, что отвечает покупателям рассеянно, а вечером уже не может вспомнить, кому обещала заказать новые перчатки.

Лавка постепенно переставала быть такой, какой она привыкла ее видеть.

Миссис Монгер долго убеждала себя, что это лишь усталость, которая пройдет после окончания сезона.

Потом честно призналась себе: сезон только начинается.

Окончательно она решилась в день, когда поймала себя на том, что впервые ответила постоянной покупательнице с такой же раздражительностью, с какой уже много лет разговаривал ее муж. Дама ничуть не обиделась. Даже не заметила. Но сама миссис Монгер потом долго не могла забыть собственного тона.

Вечером она села за бухгалтерскую книгу, долго пересчитывала расходы, трижды вычеркивала строку «жалованье помощнице» и трижды вписывала ее обратно.

И так в галантерейной лавке появилась Лили Сперлинг.

Веселая, хорошенькая девушка с привычкой улыбаться каждому покупателю так, словно именно его она ждала с самого утра. Раньше Лили служила горничной в одном из пансионатов,

умела работать быстро, говорила вежливо и, что было особенно важно, совершенно не принимала близко к сердцу ворчание хозяйки.

Очень скоро миссис Монгер обнаружила, что мужчины обладают удивительной способностью забывать о времени, если товар им показывает Лили.

Джентльмен, пришедший за парой воротничков, внезапно вспоминал, что неплохо было бы приобрести еще лайковые перчатки для вечерних прогулок, новую трость — старая вдруг начинала казаться слишком простой, — дорожную щетку для костюма и непременно шелковый галстук, потому что море, как известно, требовало более светлых оттенков.

Самое интересное заключалось в том, что все эти открытия происходили исключительно в присутствии Лили.

Стоило же за прилавок встать самой миссис Монгер, как те же самые джентльмены с завидной решительностью покупали только то, за чем пришли.

Лили никогда не навязывала товар. Она лишь умела так легко поддерживать разговор, так искренне восхищаться удачным выбором покупателя и так ловко подавать очередную коробку с перчатками или шелковыми галстуками, что отказать ей становилось почти неловко. Пока она расправляла кружевной манжет или примеряла на руку тонкую лайковую перчатку, покупатель успевал забыть, зачем вообще зашел в лавку.

Миссис Монгер не раз пыталась повторить этот прием.

Почему-то в ее исполнении он действовал исключительно на постоянных покупательниц, да и то лишь тогда, когда речь шла о скидке.

Миссис Монгер относилась к этому философски. В конце концов, она никогда не была склонна переоценивать мужской ум. Если Господь наделил Лили хорошеньким личиком, а покупателей — слабостью к хорошеньким личикам, спорить с этим было бы не только бесполезно, но и крайне невыгодно для торговли.

Глава 3

Когда утренние часы сменились полуднем, улица перед лавкой миссис Монгер заметно оживилась.

По мостовой неспешно катили экипажи, привезшие с вокзала первых отдыхающих. Носильщики сгибались под тяжестью дорожных сундуков, мальчишки в матросских костюмчиках то и дело отбегали к краю тротуара посмотреть на море, а их матери торопливо одергивали детей, боясь, что те испачкают только что надетые костюмчики. Время от времени звенел колокольчик над дверью, впуская в лавку новых покупателей.

Лили едва успевала подавать коробки с перчатками, разматывать шелковые ленты и заворачивать покупки в плотную коричневую бумагу. Она одинаково легко находила общий язык и с пожилыми дамами, подолгу выбирающими пуговицы к летнему жакету, и с молодыми матерями, убеждавшими сыновей, что один деревянный кораблик ничем не хуже трех.

Миссис Монгер наблюдала за ней с привычной сдержанностью.

Пожалуй, она никогда бы не призналась даже самой себе, что рада появлению помощницы.

Работы меньше не стало.

Но впервые за несколько лет хозяйка лавки могла позволить себе спокойно проверить счета, выпить чашку чая, пока он еще не успел остыть, и не вскакивать каждые несколько минут к очередному покупателю.

Колокольчик над дверью звякнул снова.

Миссис Монгер подняла голову лишь на мгновение.

Вошла девушка. Совсем молодая.

Темное шерстяное пальто было аккуратно вычищено, но локти заметно поблескивали от долгой носки. Простая соломенная шляпка потеряла первоначальную форму, а башмаки были так старательно начищены, что от этого еще заметнее становились потертые носки.

«Денег почти нет», — машинально отметила миссис Монгер.

За долгие годы торговли миссис Монгер научилась определять достаток человека быстрее, чем рыбаки угадывали перемену погоды по цвету моря.

Хорошая ткань редко лгала. Настоящий кашемир невозможно было спутать с грубой шерстью. Пуговицы, подкладка, аккуратность стежков, потертые манжеты, выцветшая лента на шляпке — каждая мелочь рассказывала свою историю тому, кто умел слушать.

Но честнее всего всегда были башмаки.

Платье можно было перелицевать. Пальто — тщательно вычистить щеткой. Старую шляпку — украсить новой лентой. Даже перчатки иногда удавалось отбелить так искусно, что они казались почти новыми.

Башмаки не умели лгать.

По ним сразу становилось понятно, много ли человек ходил пешком, привык ли он к тяжелой работе, приходилось ли ему беречь каждый пенс или он просто никогда не задумывался о стоимости новой пары.

Девушка нерешительно остановилась у двери, словно собиралась с духом.

Она не стала разглядывать витрину с кружевными воротничками.

Не задержалась у полок с шелковыми лентами.

Не протянула руку к корзине с новыми перчатками.

Так не ведут себя покупатели.

Обычно женщины хотя бы ненадолго останавливались возле товара, сравнивали оттенки лент, спрашивали цену, просили показать кружева поближе, даже если заранее знали, что ничего не купят.

Эта девушка словно вовсе не замечала того, что наполняло лавку.

Миссис Монгер мысленно перебрала возможные причины.

Спросит дорогу к станции или попросит разменять монету?

А может быть, осмелится попросить несколько пенсов или кусок хлеба.

Начало сезона всегда приводило в город не только отдыхающих, но и тех, кому повезло значительно меньше. Их никто не встречал на перроне, они не нанимали экипаж и не отправляли вперед дорожные сундуки. Для них курортный сезон становился последней надеждой найти работу прежде, чем закончатся последние монеты в кармане.

— Добрый день, мисс, — первой нарушила молчание Лили, приветливо улыбнувшись.
— Чем мы можем вам помочь?

Девушка сделала несколько шагов вперед.

Она сжимала в руках небольшой потертый саквояж так крепко, словно боялась, что стоит ослабить пальцы — и он исчезнет.

— Простите... — тихо произнесла она. — Мне сказали... возможно... вам требуется помощница.

Лили вопросительно посмотрела на хозяйку.

Миссис Монгер внимательно оглядела незнакомку еще раз.

Теперь, когда девушка стояла ближе к прилавку, детали складывались отчетливее.

Девушка держалась слишком прямо. Плечи напряжены, будто она все время ждала, что ее сейчас попросят отойти. Но не так, как держатся люди, привыкшие просить. Она тщательно подбирала слова, говорила негромко, но правильно, не проглатывая окончания и не торопясь. Слова ложились аккуратно, будто она заранее несколько раз проговорила их про себя, прежде чем решиться произнести вслух.

«Странно», — отметила миссис Монгер почти машинально, не отрывая взгляда.

Для дочери рабочего она была слишком правильно воспитана — в этом угадывались манеры, которые не появляются в кухнях и на фабричных дворах.

Для дочери фермера — слишком городская: в движениях не было той тяжеловатой неуклюжести, которую дает жизнь среди полей и скота.

Для гувернантки — слишком бедно одета: ткань пальто выдавала долгую носку, локти поблескивали, а подол был аккуратно, но неумело подшит.

Что-то в этой девушке не складывалось в привычную картину.

— Кто направил вас ко мне? — спросила она.

— Миссис Браун... из цветочной лавки... Я пришла по объявлению, но место уже заняли. Она сказала... может быть... здесь...

— Здесь место уже тоже занято.

Миссис Монгер произнесла это спокойно, почти буднично.

Девушка едва заметно побледнела. И еще крепче прижала к груди саквояж. Несколько секунд в лавке стояла тишина.

— У меня есть рекомендации... — почти шепотом сказала она. — Я быстро учусь. Мне подойдет любая работа.

Она торопливо расстегнула саквояж, словно боялась, что ей не дадут договорить, и достала аккуратно сложенный конверт.

Миссис Монгер покачала головой.

— Рекомендации хороши, когда есть свободное место, дитя. А у меня его, к сожалению, нет.

Лавка была слишком маленькой, чтобы содержать двух помощниц. Жалованье Лили едва окупалось дополнительной выручкой, а нанять еще одну девушку значило бы через месяц самой оказаться в долгах.

Миссис Монгер уже хотела вернуться к книге заказов, но вдруг поймала себя на мысли, что незнакомка не уходит. Она просто стояла у прилавка, растерянно сжимая в руках конверт с рекомендациями, словно человек, который внезапно обнаружил, что все дороги, по которым он собирался идти дальше, закончились у самого порога этой лавки.

Глава 4

Обычно люди выходят из лавок совсем не такими, какими входят.

Мальчишки почти всегда выбегают первыми. Они еще не успевают спуститься с крыльца, как уже размахивают новым деревянным корабликом, жестяным паровозиком или бумажным змеем, который непременно обещают запустить при первом же порыве морского ветра. Их радость невозможно удержать — она вылетает на улицу вместе с ними.

Молодые барышни выходят неторопливо. Еще не успев отойти от витрины, они уже склоняются друг к другу, обсуждая, действительно ли в Лондоне теперь носят такие широкие поля, подходит ли кремовая лента к голубому платью и не покажется ли новый фасон слишком смелым для воскресной прогулки по набережной.

Пожилые дамы покидают лавки иначе.

По ним почти никогда нельзя понять, удачной ли оказалась покупка. Хорошее воспитание учило не выставлять чувства напоказ. Если вещь нравилась — это оставалось их маленькой тайной, о которой могла узнать разве что компаньонка. Если цена казалась чрезмерной — тем более.

Джентльмены же, расплатившись, обычно выходили с выражением глубокой задумчивости.

Наблюдателю могло показаться, будто они размышляют о государственных делах, положении на бирже или последних парламентских дебатах.

На самом деле большинство в этот момент мысленно подсчитывало, во сколько обошлись перчатки супруги, новые ленты для дочери и совершенно необходимая булавка для галстука, без которой, как выяснилось всего четверть часа назад, прожить было решительно невозможно.

Девушка, вышедшая несколько минут назад из галантерейной лавки миссис Монгер, не принадлежала ни к одной из этих счастливых категорий.

Она не несла свертка и не думала о новых лентах.

Ее мысли были куда прозаичнее.

Отойдя на несколько шагов, она незаметно сунула руку под подкладку своего старого пальто. Между двумя слоями ткани, под несколькими неровными стежками, были спрятаны последние деньги. Девушка пересчитала их почти на ощупь. Потом еще раз. Словно монеты могли измениться за последние несколько минут. Монеты остались прежними, и никакого чуда, разумеется, не произошло.

Денег едва хватало на билет, если придется уехать дальше по побережью. А если остаться — может быть, на две ночи в самом дешевом трактире. Впрочем, и такой трактир еще предстояло найти, потому что нарядные вывески гостиниц на главных улицах обещали удобства, горячую воду и вид на море, но никак не дешевый угол для девушки с потертым саквояжем и слишком тонким кошельком.

Следующий поезд уходил только через три дня, и если утром Солен еще казалось, что главной ее заботой будет поиск места, то теперь рядом с этой заботой встала другая, куда более простая и оттого более пугающая: нужно было понять, где она проведет ночь, если до вечера ни одна дверь так и не откроется.

Она машинально одернула потертые рукава пальто, посмотрела на сбитые носки башмаков и свернула в узкий переулок между двумя домами, где городской шум сразу стал глуше, а яркие витрины, приветливые лавочные окна и неторопливые голоса покупателей остались где-то за углом.

Здесь было прохладнее и тише. Только каменная стена, пахнущая сыростью, да узкая полоска моря, мелькавшая между крышами.

Только в этом неприметном переулке, скрытом от нарядной курортной улицы, Солен наконец позволила себе на мгновение прислониться к стене и закрыть глаза, не столько отдыхая, сколько стараясь собрать остатки сил прежде, чем снова вернуться на мостовую и продолжить поиски.

В это самое время Лили Сперлинг аккуратно расставляла на прилавке коробочки со швейными принадлежностями.

Со стороны могло показаться, будто разговор незнакомой девушки с хозяйкой совершенно ее не заинтересовал. Лили продолжала заниматься привычными делами: переставляла катушки с нитками, поправляла стопки носовых платков и время от времени стряхивала с прилавка несуществующие пылинки.

Но слышала она почти каждое слово.

За годы службы Лили приобрела одну весьма полезную привычку. Она научилась слушать, не подавая вида.

Девушка с потертым саквояжем напомнила ей ее саму. Несколько лет назад она сама точно так же ходила по улицам Лондона. Тогда ей казалось, что огромный город должен быть полон возможностей. Но без семьи, без человека, готового поручиться за тебя, без рекомендаций, найти работу оказалось куда труднее, чем ей представлялось.

А самое забавное заключалось в том, что рекомендацию можно было получить только после первой службы. Но получить первую службу без рекомендации было почти невозможно.

Эта небольшая нелепость настолько прочно вошла в привычный порядок вещей, что никого уже не смущала.

Впрочем, долго рассуждать над подобными несправедливостями она не любила. Это была роскошь, которую обычно могли позволить себе обеспеченные люди. Лили же предпочитала более надежный способ борьбы с трудностями. Она просто продолжала искать следующую дверь. Рано или поздно одна из них непременно открывалась.

В конце концов судьба свела Лили с хозяйкой небольшой шляпной мастерской в одном из тихих лондонских кварталов. Платили там совсем немного. Но девушке предоставляли кров, три простых приема пищи в день и маленькую комнату под самой крышей. По меркам Лили это уже считалось большой удачей.

В обмен — почти все ее время принадлежало работе.

День начинался задолго до открытия мастерской. Сначала нужно было растопить небольшую печь, чтобы в помещении исчезла ночная сырость. Затем подмести пол, протереть витрины и аккуратно расставить коробки с лентами, булавками и искусственными цветами.

После этого начиналась настоящая работа.

Лили отпаривала соломенные основы для шляпок, помогала пришивать к ним атласные ленты, закрепляла перья и осторожно укладывала готовые изделия в картонные коробки. В промежутках между этим хозяйка успевала вспомнить еще десяток поручений. Работа заканчивалась лишь тогда, когда хозяйка наконец гасила последнюю лампу.

Но Лили никогда не жаловалась.

Она слишком хорошо понимала цену собственной крыши над головой. В ее положении это была не поэтическая метафора, а вполне конкретная вещь. Крыша означала теплое одеяло, чистую постель и горячий ужин. А самое главное уверенность в том, что утром ты проснешься в своей комнате, а не будешь думать, где провести следующую ночь.

Примерно через год судьба снова решила вмешаться в ее жизнь самым обыденным и потому совершенно неожиданным способом.

Все началось с двух постоянных покупательниц.

Такие дамы были в каждой мастерской. Они приходили не столько за шляпками, сколько за возможностью провести час в приятной беседе с хозяйкой и между собой. Их визиты никогда

не занимали меньше получаса, а уходили они неизменно с покупкой, новостями и чувством превосходно проведенного времени.

В тот день они особенно оживились.

Примеряя летние шляпки перед высоким зеркалом, дамы обсуждали предстоящую поездку в Хайклифф.

Лили тогда впервые услышала это название.

Они говорили о море, белых верандах, прогулках вдоль утесов, когда ветер так сильно треплет поля шляпы, что приходится придерживать ее обеими руками, о музыке, которую по вечерам играли на набережной и о длинных рядах плетеных кресел, расставленных вдоль моря. Лили поправляла искусственные цветы на очередной шляпке и делала вид, что занята исключительно работой. Но слушала очень внимательно.

Вечером, закончив работу, она еще раз вспомнила это название.

Хайклифф.

Свои небольшие сбережения она начала тратить на покупку газет, что наконец однажды ей удалось найти небольшое объявление о наборе сезонных горничных в семейный отель на побережье.

Она откликнулась почти сразу.

Через несколько недель она уже стояла на станции Хайклиффа с таким же скромным саквояжем, какой сегодня держала в руках незнакомая девушка.

Работа в отеле оказалась значительно легче лондонской мастерской.

Платили исправно. Кормили хорошо.

Но очень скоро Лили поняла другую вещь.

В хорошем отеле прислуга постепенно переставала быть людьми и превращалась в часть самого дома. Постояльцы замечали белоснежную скатерть, свежие цветы и безупречно застеленную постель. Но почти никогда не замечали того, кто вставал на два часа раньше остальных, чтобы все это появилось.

Поначалу Лили относилась к этому философски. В конце концов, никто не едет на море ради знакомства с горничной.

Но чем дольше она жила в Хайклиффе, тем чаще задумывалась о будущем. И однажды она решила, что, пожалуй, стоит переместиться ближе к самому городу. Туда, где каждый день приносил новые лица, новые разговоры и хотя бы небольшую возможность изменить собственную судьбу.

К тому времени ее уже знали в Хайклиффе.

У Лили была хорошая служба за плечами, безупречные рекомендации и та приятная манера общения, благодаря которой люди быстро начинали чувствовать себя рядом с ней непринужденно.

Поэтому, когда она впервые пришла в галантерейную лавку миссис Монгер, разговор занял совсем немного времени.

Хозяйка внимательно осмотрела ее с головы до ног, попросила рекомендации, прочитала письмо, задержав взгляд на печати отеля Ренард, задала несколько коротких вопросов и тут же предложила ей работу.

Так Лили Сперлинг и оказалась в галантерейной лавке миссис Монгер.

И теперь, глядя вслед незнакомой девушке с потертым саквояжем, она невольно подумала о том, насколько огромной может оказаться разница между человеком, который приходит в поисках работы с хорошими рекомендациями, и человеком, которому только предстоит их заслужить.

— Бедное дитя... — негромко сказала Лили.

— Таких сейчас полгорода, — отозвалась миссис Монгер, листая книгу заказов. — Каждый сезон одно и то же. Кто-то приезжает отдыхать, а кто-то — искать кусок хлеба.

Лили невольно прикусила губу. Она украдкой посмотрела на хозяйку. Миссис Монгер уже снова углубилась в счета. Лили знала этот взгляд. Если хозяйка открыла бухгалтерскую книгу, разговор можно считать законченным.

Она тихонько сняла с полки небольшой сверток.

Внутри лежали две постные булочки, оставшиеся после утреннего чая.

— Лили... — не поднимая головы, произнесла миссис Монгер.

Та вздрогнула.

— Да, мэм?

— Смотри, чтобы мистер Монгер не увидел. Он неделю будет подсчитывать стоимость этих булочек.

Лили виновато улыбнулась, схватила сверток и почти выбежала на улицу.

Колокольчик над дверью тихо звякнул.

Морской ветер тут же подхватил край ее передника и растрепал выбившуюся из прически светлую прядь. Она привычным движением убрала ее за ухо и свернула за угол дома. Незнакомка стояла там же.

— Простите.

Девушка вздрогнула и резко обернулась.

Лили тут же улыбнулась.

— Не пугайтесь, пожалуйста.

Она протянула девушке бумажный сверток.

— Возьмите.

Незнакомка растерянно перевела взгляд на ее руки.

— Что это?

— Булочки.

Лили пожала плечами.

— Не самые лучшие в Хайклиффе, если уж быть честной. Но совершенно точно лучше, чем пустой желудок.

Она мягко вложила сверток девушке в руки, затем прислонилась плечом к стене и на несколько секунд тоже посмотрела на море, видневшееся между домами.

Ветер принес запах соли и свежего хлеба из булочной. Где-то неподалеку рассмеялись дети. Жизнь Хайклиффа текла своим привычным чередом, не подозревая, что для кого-то сегодняшний день оказался значительно тяжелее остальных.

— Вас ведь не только отсюда отправили, верно?

Девушка опустила взгляд.

— Нет.

— Пять мест?

Незнакомка слегка замялась.

— Шесть.

— Я так и подумала.

Лили понимающе кивнула, а девушка устало выдохнула.

— Наверное, мне стоит попробовать еще где-нибудь.

— Попробовать стоит.

Лили немного помолчала.

— Но не в лавках.

Она покачала головой.

— Здесь сезон уже начался. Хозяева давно набрали своих людей. Даже если место и освободится, его обычно отдают тем, кого уже знают.

Она немного помолчала.

— Но есть одно место.

Лили подняла руку и указала в сторону холма.

Над крышами домов белела часть фасада.

— Видите?

Незнакомка прищурилась.

— Да.

— Поднимайтесь туда. Там стоит большой дом с белыми верандами. Вы его сразу узнаете.

На вывеске будет написано: «Отель Ренард».

Она улыбнулась.

— Там всегда много работы перед началом сезона. Комнаты нужно готовить, белье переносить, цветы расставлять. А скоро постояльцы начнут приезжать один за другим.

Лили слегка усмехнулась.

— В хорошем отеле никогда не бывает достаточно рук.

— Вы там работали?

— Больше года.

Она улыбнулась уже теплее.

— Хорошее место. И люди хорошие. Особенно хозяйка.

Лили немного помедлила.

— Только не говорите сразу со всеми подряд. Сначала найдите старшую горничную. Ее зовут Эмма Адамс. Если она решит, что вы годитесь для работы, то обязательно замолвит слово перед управляющим. А его слово в отеле много значит.

Незнакомка медленно кивнула, затем еще раз. Словно повторяла про себя услышанное, боясь забыть хоть слово.

Лили улыбнулась.

— Ну все. Идите.

— Спасибо вам.

Лили махнула рукой так легко, будто речь шла о самой обычной вещи на свете.

— Не благодарите. До отеля минут пятнадцать ходьбы. Если будете стоять здесь еще дольше, то к вашему приходу найдут кого-нибудь другого.

В Хайклиффе вообще многое начинается с того, что один человек просто показывает другому дорогу.

Незнакомка подняла голову.

Впервые за весь сегодняшний день ее мысли перестали беспорядочно возвращаться к одним и тем же тревогам: хватит ли спрятанных в подкладке пальто монет, где придется провести ночь и сколько еще дверей ей предстоит обойти прежде, чем кто-нибудь согласится ее выслушать.

Вместо этого перед ней неожиданно появилась вполне конкретная цель. Нужно было лишь подняться по дороге, ведущей на холм, найти большой дом с белыми верандами, отыскать старшую горничную и попросить работу.

Как ни странно, этого оказалось достаточно, чтобы окружающий мир перестал казаться таким огромным и враждебным.

Еще несколько минут назад весь Хайклифф представлялся ей чужим городом, где каждая новая дверь могла захлопнуться прямо перед ее лицом, а теперь он вдруг перестал быть бесконечной чередой неизвестности и превратился в место, где оставалась еще одна возможность начать все сначала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.